

Абрамов 1925б — Абрамов И. С. Рецензия на ст. А. Смирнова-Кутаческого «Происхождение частушки» // Краеведение. 1925. № 1—2. С. 131—132.

Абрамов 1926 — Абрамов И. С. Опыт программы по изучению культурно-экономического состояния деревни. Л., 1926.

Абрамов 1928 — Абрамов И. С. Краеведы-самоучки (биографии собирателей В. Ф. Кулакова (Вологодская губ.), И. В. Костоловского (Ярославский край), Е. Д. Макаренко (Черниговская губ.)) // Краеведение. 1928. № 2. С. 93—102.

Ашнин, Алпатов 1994 — Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994.

Иванова 1982 — Иванова Т. Г. Н. Е. Ончуков и судьба его научного наследия // Русская литература. 1982. № 4.

Иванова 1993 — Иванова Т. Г. Русская фольклористика начала XX в. в биографических очерках. СПб., 1993.

Источники

Абрамов 1904 — «Царь Максимилиан» (два варианта народной драмы). 1904 // РГАЛИ. Ф. 1235. Оп. 1. Ед. хр. 12.

Абрамов 1916 — «Хождение со звездой», «Представление с козой». Обряды. Записаны в местечке Воронеж, Черниговской губернии от Левченко Федора Васильевича в 1916 г. // РГАЛИ. Ф. 1235. Оп. 1. Ед. хр. 45. 4 л.

Абрамов 1917—1929 — Народные песни, записанные в м. Воронеж. 1917—1929 // РГАЛИ. Ф. 1235. Оп. 1. Ед. хр. 38. 132 л.

Абрамов 1928—1940 — Мещанские романсы. Записаны в поселке Воронеж. 1928 — 20 марта 1940 // РГАЛИ. Ф. 1235. Оп. 1. Ед. хр. 40. 14 л.

Абрамов 1937 — Абрамов И. С. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1235. Оп. 1. Ед. хр. 22. 63 л. 1937.

Абрамов 1937а — Сказки, рассказы, предания, записанные в селе Воронеж 21 июня — 21 августа 1937 // РГАЛИ. Ф. 1235. Оп. 1. Ед. хр. 43. 115 л.

Ступак 1957 — Статья Ю. Ступака «Самый старый краевед» из газеты «Ленинская правда». 1957 г. // РГАЛИ. Ф. 1235. Оп. 2. Ед. хр. 14. 1 л.

Summary. *The article tells about the fate of I. S. Abramov, talented local historian and collector of folklore. RGALI-preserved folklore materials of Abramov are characterized in the article. The author analyzes Abramov's ethnographical essays devoted as Ukrainian, as Russian folklore and ethnographic traditions.*

Key words: *folklore, ethnography, local history, history of folklore, archive materials.*

К. Е. КОРЕПОВА
(Нижний Новгород)

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КАРПОВ — СОБИРАТЕЛЬ НИЖЕГОРОДСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Аннотация. *В статье освещается собирательская деятельность Андрея Васильевича Карпова (1857—1886), исследуется сборник песенных текстов, записанных им в Арзамасском уезде Нижегородской губернии в 1875—76 гг.*

Ключевые слова: *собиратели, Карпов А. В., краеведение, история фольклористики, архивные материалы.*

Имя Андрея Васильевича Карпова¹ в фольклористике фактически неизвестно. В 60-е гг. прошлого века его рукопись — сборник, содержащий 500 песенных текстов, записанных в 1875—76 гг. в Арзамасском уезде Нижегородской губернии, — обнаружил в архиве тогда Горьковской области [ЦАНО, ф. 766, оп. 598, №1, 2] В. М. Потявин [Потявин 1960]. Некоторые единичные тексты позднее публиковались [Потявин 1960; Корепова 1982; Корепова 1989; Корепова, Храмова 2005]. Недавно Арзамасский педагогический институт издал сборник полностью [Курдин и др. 2010], к сожалению не лучшим образом. Но есть основание теперь представить этого исключительно интересного собирателя, причем раскрыть его и как личность, и как определенный тип собирателя в русской фольклористике XIX в.

Биография А. В. Карпова известна в основном по некрологу, написанному его земляком, другом, одноклассником по уездному училищу А. К. Орешниковым [Орешников 1886]. На некрологе опирался Потявин [Потявин 1960], рассказывая о Карпове в очерке о собирании и изучении фольклора Нижегород-

¹ На родине, в с. Кирилловка, Карповы были больше известны под своей родовой «деревенской» фамилией — Гаранины. Называя домашний адрес, А. В. Карпов обязательно указывал и деревенскую фамилию: «С. Кирилловка Арзамасского у., Андрею Васильевичу Карпову, или Гаранину».

ского края, сообщив в дополнение некоторые сведения, добытые им из писем Карпова А. С. Гацискому, хранящихся в Центральном архиве Нижегородской области (ЦАНО, в те годы ГАГО — Государственный архив Горьковской области). Ю. А. Курдин, арзамасский литературовед и поэт, в последние годы обращаясь к фольклору, говоря о Карпове, ограничился вообще перепечаткой полностью некролога [Курдин 2007]. К сожалению, в некрологе содержится ряд неточностей. Между тем, архивные материалы, главным образом письма А. В. Карпова известному нижегородскому этнографу А. С. Гацискому, позволяют исправить допущенные биографами ошибки, ввести в научный обиход новые данные.

Андрей Васильевич Карпов родился в 1857 г. в с. Кирилловка Арзамасского уезда Нижегородской губернии, находящемся тогда в 4 км от уездного города. Родился, как говорилось в некрологе, «в небогатой крестьянской семье». Но, судя по тому, как он, сам живя в постоянном безденежье, всю жизнь, с самой юности, старался материально помочь родным, семья Карповых скорее всего была бедствующей. И все-таки родители дали возможность сыну окончить Арзамасское уездное училище. Вероятно, особые способности и желание учиться выделяли его из других учеников, и по окончании училища в 1873 г., благодаря ходатайству некоторых лиц, он был направлен земским стипендиатом в 4-й класс нижегородской гимназии.

Земские средства были скудными, и в поисках заработка весной 1875 г.² Карпов обратился к А. С. Гацискому как к председателю Губернского статистического комитета. Гацкий предложил ему заняться у себя на родине сбором статистических сведений по программе Статистического комитета, а также посоветовал записать там же народные песни, вероятно, соответственно проинструктировав. И с началом каникул Карпов-гимназист, которому в это время было 18 (или около 18) лет, с энтузиазмом приступил к работе. Проведение одновременно сбора статистических

² Дата обращения к Гацискому и начала записи песен в некрологе указана неверно (1874 г.), она не подтверждается перепиской Карпова с Гациским.

сведений о крестьянском хозяйстве и записи песен дали возможность Карпову увидеть народную поэзию в контексте всей жизни крестьянина, что отразилось в комментариях непосредственно к записанным текстам, а также позднее в бытовых зарисовках, встречающихся в его экономических и этнографических очерках. Возможно, сбор объективных статистических данных в какой-то мере повлиял и на методику записи фольклора — сплошную запись песенного репертуара, безо всякого отбора текстов.

Сохранились письма Карпова этой поры А. С. Гацискому, письма, написанные еще неоформившимся почерком на серой бумаге с расплывающимися чернилами (Уже через год почерк изменится — станет тоньше, изящнее, изменится и стиль письма, стиль общения). Письма позволяют увидеть, как проходила собирательская работа. Карпов проявил себя сразу как вдумчивый статистик: в ходе опроса населения он увидел некоторые недостатки программы и организации работы по ней, о чем сообщил Гацискому: *«В каждом селе я старался узнать ответы на вопросы данной Вами Программы; некоторые узнал и записал, некоторые нет. В Программе много вопросов, на которые нужны точные ответы, например, число душ ревизских и действительных, количество земель, принадлежащих селениям и т. п. Такие ответы путем частным получить нельзя; за ними нужно обращаться к сельскому начальству, всего лучше в волостное правление»* (письмо от 14 июня 1875 г. Поскольку цитируются письма только Гацискому, адресат не будет называться) [ЦАНО, ф. 765, оп. 597, № 230, л. 44].

В поисках статистических данных Карпов не ограничился родной Кирилловкой и обошел всю округу. Уже 2 июня, т. е. в самом начале первого полевого сезона, он пишет: *«После приезда <из Нижнего Новгорода. — К. К.> я жил в Кирилловке и иногда ходил по окрестным селам: Ямской слободе, Ивановской, Морозовке и др. Я описал подробно Кирилловку, собрал до 80 хороших народных песен, записал юридические обычаи Кирилловки. Теперь я с нетерпением ожидаю времени <получения официальной бумаги в Полицийское управление. — К. К.>, когда могу уйти дальше»* (письмо от 2 июля 1875 г.) [Там же, л. 45]. 109

А уже через две с небольшим недели сообщает: «... неделю назад пошел за Тёшу <реку — К. К.> без полицейского содействия. Я был в Кожине, Странникове, Чуварлейке, Князевке, Пешелани, Бебляеве, Новоселках, Собакине (в базарный день), в Собакинских озерах, в Кобылине, Нечаевке, Шатках, Вадском и в Свердловоярском» (письмо от 18 июля 1875 г.) [Там же, л. 44об.]. Названо 14 селений, некоторые из них (Шатки, Вад) удалены от Кирилловки и Арзамаса на значительное расстояние (сейчас это центры других районов). Интересно, что если, собирая статистические данные, Карпов старался охватить значительную территорию, даже удаленную от Арзамаса, то песни записывал, сознательно или бессознательно, только на сравнительно небольшой компактной территории, в основном в пригородных селениях, и таким образом представил определенную локальную традицию.

Работа была нелегкой. Поначалу Карпову, наивному гимназисту, казалось, что для выполнения столь важной работы, какую ведет он, ему предоставят транспорт — подводу. Он писал Гацискому: «... Александр Серафимович, напишите <в ходатайстве, которое Гациский должен был отправить в Полицейское управление. — К. К.> и о том, чтобы мне давали, если это можно, из деревни до деревни подводу в одну лошадь, потому что ходить иной раз верст 15 в день нельзя: устанешь до того, что никакие данные в голову не пойдут. Иногда ходить придется в дождь, ночью и т. п. Пожалуйста, Александр Серафимович, последнее для меня гораздо важнее первого» <официальной бумаги от полицейского управления. — К. К.>» [Там же, л. 45].

Разумеется, никакой лошади он не получил, пришлось ходить пешком, к тому же скоро понял, что пешие переходы для него в некоторой степени предпочтительнее: «...В письме прежде я просил Вас о подводе; теперь я отказываюсь от нея, потому что мне удобнее ходить пешком...» (уже цитированное письмо от 18 июля), вероятно, при пешем передвижении ничто не связывало его и не выделяло из крестьянства.

Главными трудностями, с которыми он встретился, были недоверие крестьян и препятствия, чинимые полицейскими чиновниками: «Хожу пешком, налег-

ке; по-прежнему все было бы прекрасно, если бы не недоверие и подозрительность крестьян, а также если бы не мешала мне постоянная зависимость от каждой полицейской власти», — писал он [Там же, л. 47об.] Полицейские проволочки начались с самого начала работы. Уже в первом письме Гацискому он сообщал: «... При отъезде из Нижнего Вы советовали обратиться к Полицейскому управлению, чтобы оно оказывало мне содействие при собирании данных. — Я обратился к г. исправнику, ходил к нему 5 раз и ни разу не застал его дома. Поэтому обратился в Управление. Здесь моему гимназическому виду и словесному объяснению не дали веры, следовательно не дали и давножеланного содействия. — Говорят, нужно официальную бумагу» (2 июля 1875 г.) [Там же, л. 45об.]. Но и получение официального ходатайства от Статистического комитета не изменило к нему и его работе отношения, раз он пишет о «постоянной зависимости от каждой полицейской власти». Недоверие крестьян, которое он испытывал, несмотря на то, что был, казалось бы, «свой» — из местных крестьян, — заставляло прибегать к особой тактике. Так, сообщая о сборе статистических данных на Собакинском базаре, Карпов пишет, что разговаривал, «стараясь записывать их потихоньку или после. Иначе мне ничего бы не стали говорить верного» [Там же].

Несмотря на все трудности, летняя работа 1875 г. прошла успешно. Ему в этот сезон удалось записать около 260 песен, он систематизировал их по жанрам, пронумеровал и представил Гацискому. Написал в дополнение очерк «Село Кирилловка».

Запись песен продолжилась в следующие каникулы — летом 1876 г.³ 15 июня он уже писал Гацискому: «В настоящее время я живу в Кирилловке и занимаюсь тем же, чем занимался прошлогоднее лето, то есть хожу по Арзамасскому уезду и записываю песни. <...> Песен до сих пор успел собрать до 130; в продолжение двух месяцев вакации думаю набрать около 300» (15 июня 1876 г.) [ЦАНО, ф. 765, оп. 597, л. 47—47об.]. В

³ В заглавии опубликованного сборника песен А. В. Карпова допущена неточность: все записи отнесены к лету 1875 г., тогда как записи продолжались в течение двух сезонов — лета 1875 и 1876 гг.

этом сезоне он записал немного меньше ожидаемых 300, но в общей сложности в сборнике оказалось 500 текстов.

Если в первый сезон Карпову приходилось уделять много внимания работе по статистической Программе, то в сезон 1876 г. он, похоже, занимался только фольклором (в его письмах о статистической работе не упоминается) и закончил работу раньше намеченного срока — к началу августа. Завершив работу, он написал своему учителю: *«Прошайте, благодарю Вас за удовольствие, которое Вы доставили мне нынешним и прошлым летом»* (письмо от 9 августа 1876 г.) [Там же, л. 69об.].

За два года А. В. Карпов не только житейски повзрослел, но в результате постоянного общения с образованным человеком, умным этнографом, страстно увлеченным изучением Поволжья, а также в результате серьезной работы под его руководством он интеллектуально обогатился. Возвращаться в гимназию за ученическую парту ему не хотелось, он чувствовал себя уже самостоятельным человеком, и в августе 1876 г., заняв денег, отправился в Казань поступать в Ветеринарный институт, куда брали без аттестата зрелости: *«Я еще не знаю, куда уйду: в Ветеринарный ли институт или же, в случае неудачи в нем, в гимназию»*, — сообщил он, уезжая, Гацискому в цитированном выше письме. В институт Карпов был принят.

Позднее, говоря о причинах, заставивших его, недоучившись в последнем классе, оставить гимназию, он скажет (опять же своему учителю): *«Из гимназии я вышел, во-первых, для того, чтобы поступить в Ветеринарный институт, скорее достичь своей ближайшей, первой цели: как можно скорее избавить своих родных от бедности; во-вторых, потому что гимназия в последнее время мне страшно надоела, так что сидеть в классах для меня сделалось мучением»* (письмо от 2 ноября 1877 г.) [Там же, л. 83]. Гимназию он перерос. Что касается помощи родителям, то он осуществлял ее даже в самые тяжелые для себя времена, отделяя семье часть денег от небольших гонораров⁴, иногда про-

⁴ Относительно гонораров есть знаменательные строчки в одном письме: *«За последнюю работу («Щепной промысел») я получил всего 45 рублей, из которых 35 истратил на дорогу»*.

сил у Гациского оплату вперед, чтобы своевременно, например, к празднику, послать какую-то сумму домой. Так, 12 марта 1881 г. он писал: *«Маленькая просьба: если Вы можете заплатить мне за работу 47 рублей, то часть этих денег — 20 рублей — я покорнейше просил бы Вас прислать моим родным... Я прошу Вас об этом потому, что боюсь отсюда запоздать выслать родным денег к Пасхе. Извините, <...> я просил бы Вас дать мне знать телеграммой о высылке или невысылке родным денег, чтобы я мог заблаговременно добыть денег и послать родным из Орска...»* [ЦАНО, ф. 765, оп. 597, № 274, л. 6]⁵. Но мечту свою — «избавить родных от бедности» — ему не суждено было осуществить.

Первые месяцы учебы в Казани Карпова не покидали мысли о фольклоре, о записанных им песнях. Он пытался осмыслить материал, который собрал: читал литературу о Нижегородском крае, его истории, делился впечатлениями с Гациским; в общественной и университетской библиотеках он изучал сборники фольклорных текстов, обнаружил варианты записанных им песен, составил список вариантов к своим песням и послал его Гацискому⁶, чтобы указать варианты при публикации сборника. Еще при записи песен он испытывал неудовлетворение от того, что к текстам песен не мог дать «голосов». В Казани среди его новых знакомых оказался студент, который был певчим в архиерейском хоре, Карпов уговорил его записать «голоса» с его напева. Студент попросил узнать, сколько за эту работу ему может заплатить Статистический комитет. Завязалась переписка с Гациским по этому поводу. Карпов сообщил также, что знает «голоса» 80 песен и может напеть их, он послал и список их. Но оказалось, что выделить Комитет может только 5 рублей, и это студента не устроило. И тогда Карпов

⁵ Так было и в 1882 г., когда в Кирилловке сгорело 42 дома, в том числе и дом Карповых. *«Мои родители находятся в крайнем положении и просят меня о помощи. Все, что можно было послать, я выслал»*, — написал он Гацискому и попросил выслать сколько-нибудь отцу, обещая отработать (Письмо от 8 марта 1882 г. [Там же, № 277]).

⁶ В списке песни святочные, голосовые, игрищные и др. — таков был репертуар самого Карпова.

решил выучить нотную грамоту, чтобы самому записать напевы. Но настигли другие дела, и сборник остался без нот. Заметим, что Карпов вопрос о «голосах» поставил раньше, чем в т. VI «Нижегородского сборника» появилось предисловие Гациского, в котором тот писал: «Мы мечтаем о сборнике песен (слов), которые поются в Нижегородском Поволжье, но и о сборнике мотивов самих песен...» [Гацицкий 1887, XII].

Гациский собирался сборник Карпова опубликовать. Однажды он упомянул, что одних песен Карпова хватит на том «Нижегородского сборника». Карпов ждал публикации, интересовался ею, в письме от 14 октября 1876 г. спрашивал, начал ли печататься его сборник [ЦАНО, ф. 765, оп. 597, № 277, л. 48]. Но публикация по каким-то причинам, возможно, материальным, не состоялась, и после 1876 г. Карпов о нем уже не писал и не спрашивал. Сборник разделил драматическую судьбу своего создателя и оказался, как и он, невезучим.

Первые годы обучения прошли для Карпова в напряженной учебе и разнообразной работе, часто ради получения средств к существованию. «*За всеми этими занятиями я сидел больше дома, в безалаберной студенческой жизни не участвовал, семейных знакомых не приобрел*», — напишет он позже (письмо от 2 ноября 1877 г.) [ЦАНО, ф. 765, оп. 597, № 274, л. 83]. По итогам года институтское начальство аттестовало его лучшим студентом курса, и ему была назначена казенная стипендия (200 р. в год), которая, впрочем, связала его по рукам и ногам: после института он должен был отработать ее в течение четырех с половиной лет в назначенном месте (г. Орске Оренбургской губ.), и не смог вернуться на родину, в Нижний Новгород, куда так стремился. Институт он окончил, вероятно, с медалью: в одном из писем, написанном незадолго до окончания, есть строчки: «*В мае месяце я — ветеринарный врач (может быть, с медалью)*» (27 февраля 1881 г.) [Там же, л. 5]. Но ветеринария не увлекла его, еще на первом курсе он понял, что это не его призвание. А заканчивая институт, напишет: «*... к ветеринарной специальности я положительно не чувствую никакого желания; если мне придется*

избрать ветеринарную дорогу, то только в крайнем случае, когда не будет ничего лучшего» [Там же, л. 123].

В Казани он много занимался литературной работой: писал бытовые повести (они не были опубликованы и не сохранились), иногда печатал стихи в г. «Неделя», переводил с французского. Так, он подготовил труд в 10 печатных листов по анатомии внутренних органов домашних животных. Желание написать его объяснил так: «*...хотя в России ветеринарных учебных заведений, средних и высших, существует больше десятка, однако анатомии внутренностей домашних животных до сих пор на русском языке нет, и это очень затрудняет студентов*». За основу он взял французскую книгу, но на русский язык «*скорее переложил, чем перевел, потому что многое сократил, многое дополнил по немецкому изданию и анатомиям*» [ЦАНО, ф. 765, оп. 597, № 230, л. 71об.]. Пристроить книгу никому из издателей не смог и денег не заработал. Этот пример показателен для личности Карпова: он подходил творчески, вдумчиво, основательно ко всему, за что брался.

В поисках работы Карпов предложил свои услуги Статистическим комитетам ряда губерний (Владимирской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской), но ответа не получил, кроме как от председателя Симбирского комитета и одновременно редактора «Симбирской земской газеты» В. В. Черникова. Завязалось с ним сотрудничество. Черников предложил Карпову исследовать крестьянское хозяйство в ряде промышленных уездов губернии, и в результате все первое студенческое лето Карпов разъезжал по уездам, посылал Черникову письма, которые тот печатал в газете. Деятельность Карпова как корреспондента ряда изданий еще не изучена (кроме «Земской газеты», он печатался в «Неделе», по некоторым сведениям, в «Волжском вестнике», был казанским корреспондентом «Северного вестника»). Можно предполагать, что в поездках по Симбирской губернии он не забывал и о фольклоре, вероятно, делал какие-то записи: в одном из писем, интересуясь у Гациского состоянием своей фольклорно-этнографической работы, выполненной на нижегородском материале, он сообщил, что хотел бы ее «*дополнить многими дру-*

гими сведениями, собранными ..., частью в Нижегородской, частью в Казанской и Симбирской губерниях» (2 ноября 1876? г.) [Там же, л. 83об.].

В конце 1877 г. (Карпов был в это время студентом 2 курса) А. С. Гациский сообщил ему о развертывании работ Комиссией по изучению кустарных промыслов России (Гациский стал ее нижегородским представителем) и пригласил принять участие в работе. Карпов нуждался в работе, эта работа была близка его интересам, кроме того, предполагалось, что деятельность Комиссии будет продолжаться долго, что для него, крайне нуждающегося в деньгах, было важно. Но Карпов чувствовал уже свои силы и прежде всего запросил Гациского об условиях, в том числе о следующих: «3. В какой форме следует представить результаты исследования: в виде ли точных отрывочных ответов на вопросы <как это было при работе по статистической программе в Нижегородской губернии и что его уже не устраивало. — К. К.> или в виде ряда литературно обработанных статей; 4. Какова будущность этих исследований: состоят ли они сырой материал для петербургских ученых или будут напечатаны...» (2 ноября 1877 г.) [Там же, л. 83]. Получив устраивающий его ответ, он, как всегда тщательно, начал готовиться к работе, изучать литературу. Еще ведя переговоры, Карпов писал: «Мне хотелось бы заранее знать, какой промысел падет на мою долю, чтобы несколько заранее подготовиться к своему делу (например, изучить технику промысла, положение его в других губерниях и т. п.)» [Там же].

С лета 1878 г. началась тяжелейшая и изнурительная для Карпова работа, потому что взвалил он на себя, казалось бы, непосильную часть дела. У Гациского было много нижегородских корреспондентов, собирающих сведения по программе Комиссии, в том числе и сельских священников, которые имели до этого опыт собирательской работы — записывали фольклор (М. М. Пospelов, А. И. Борисовский и др.), были среди корреспондентов и студенты, кстати, рекомендованные Карповым, но ни один из них не сделал и десятой доли того, что сделал на этом поприще А. В. Карпов. В первых двух выпусках «Трудов Комиссии», вышедших в 1880 г., статьи

Карпова составили около 300 страниц. Сдав экзамены досрочно весной и задержавшись на вакациях осенью, он месяцев 5—6 «колесил», как он говорил, по губернии. В письмах есть описание маршрутов и сведения о хронометраже поездок. Интенсивность его труда поражает. Например, он собирался «по первому зимнему пути» проехать маршрутом «Макарьевое — Лысково — Мурашкино — Танайковская волость Княгининского уезда — Кирилловка — Арзамас — Павлово — Богородское — Балахна — Городец (...) — Семенов — Нижний —... Безводное», то есть пересечь всю губернию с востока на запад и захватить еще Заволжье. Поездка эта не состоялась, но не менее протяженными были и летние его маршруты. Например, за лето 1878 г., особенно насыщенное, он объехал ряд уездов юга губернии (Арзамасский, Ардатовский, Княгининский, Нижегородский и др.) и успел еще собрать материал в Заволжье. 3 августа он писал из Кирилловки, что появится в Нижнем Новгороде 22 августа, а до этого, то есть за 19 оставшихся дней, объедет несколько арзамасских и ардатовских промыслов: «цепной в Абрамовской волости, гончарный в Забелине и Козаковке, плетение веревок в пяти селениях Ардатовского уезда, производство мебели в Мотовилове». А после поездки по Семеновскому уезду проедет прямо в Казань. «Хочется побольше набрать материалов, чтобы побольше заработать», — прибавляет он [Там же, № 274, л. 50, 50 об.]. В этой работе он проявил себя как талантливый исследователь. Для него был характерен системный подход к изучению промыслов. Так, когда он получил задание описать скорняжный промысел в селениях близ Арзамаса, он посчитал нужным обязательно выехать в Княгининский уезд (с. Мурашкино), потому что туда вели производственные связи, о чем и сообщил Гацискому. В то же время он никогда не ограничивался общим описанием. Как отмечал В. М. Потявин, «Карпов применил новый по тому времени подход к материалу. Он давал не «средние» статистические данные по уезду <...>, а изучал типы крестьянского хозяйства» [Потявин 1960, 408], что позднее привлекало к его трудам как объективным вниманием исследователей развития капитализма в России, в том

числе и Ленина, многократно цитировавшего его. Карпов исследовал и описал многие и самые разные промыслы Нижегородской губернии.

Его очерки — не сухие ответы на анкету, хотя, экономя время, он к этому стремился, («я строго держусь программ и ничего лишнего не пишу, и работы мои короче, суше и идут скорее»), но его литературное дарование, которым он, бесспорно, обладал, все равно пробиивалось. В экономических статьях он иногда дает зарисовки природы, обращает внимание на ландшафт, общий вид селения, расположение домов, дает яркие портреты людей из народа. И, отступая от темы, останавливается на особенностях традиционной культуры в центрах различных кустарных промыслов, говорит о влиянии развития промышленности на сохранение традиционной культуры. С этих позиций и под социально-политическим углом зрения очерки уже исследовались В. М. Потявиным [Потявин 1960, 408—413], и мы не будем повторяться.

Карпов собирал материал летом, а обрабатывал и писал статьи уже в Казани осенью и зимой. Как говорил он сам, его подстегивала нужда: хотелось сделать больше, чтобы заработать. Деньги были нужны не только на прожитье и помощь родителям, но еще ему хотелось сколько-то накопить, чтобы иметь возможность поступить в университет и учиться там. Университет был его заветной мечтой. Об этом он говорил в письмах постоянно. В письмах после поступления в Ветеринарный институт сначала еще намеком, как бы боясь высказать мечту вслух, рассказывая Гацискому о своих делах, как бы между прочим он пишет: «*Это моя, так сказать, внешняя деятельность; главное же в моей деятельности — некоторые личные дела. Цели мои идут гораздо дальше ветеринара*» (2 ноября 1877 г.) [ЦАНО, ф. 765, оп. 597, № 274, л. 83].

В 1881 г. он был среди тех студентов, кто добивался права зачисления окончивших Ветеринарный институт на третий курс медицинского факультета университета. Решение вопроса затянулось на долгий срок, и Карпов писал почти с отчаянием: «*Неопределенное сомнительное положение, хлопоты, надежды, разочарования относительно доступа в*

университет — положительно замучили, ослабили даже самое желание поступить в университет, когда с таким трудом долго открываются двери, да не известно еще — откроются ли. Для меня лично ясно лишь одно, что в университете мне долго не быть, а может быть, придется даже совсем похоронить эту измочалившуюся надежду...» [Там же, л. 3об.]. Причем дело было не только в праве на поступление, но еще и в средствах, нужны были деньги, накопить их Карпову не удавалось. Когда оказались под угрозой заработки в Комиссии по промыслам, он написал: «*Теперь, принимая во внимание так ясно выраженную неопределенность и недолговечность Комиссии, придется надолго, может быть, навсегда, отложить поступление в университет*» [Там же, л. 87об.—88]. Даже работу в Орске он рассматривал как шанс приблизиться к осуществлению мечты. Перед отъездом он говорил в письме Гацискому: «*Я мечтаю об университете, но для исполнения этой мечты нужны деньги; их-то я и думаю заработать 2—3-летней ветеринарной службой...*» (27 февраля 1881 г.) [Там же, л. 6].

Изнурительная работа, постоянное безденежье, жизнь впроголодь (правда, о бытовой стороне своей жизни Карпов в письмах никогда не говорил, он отличался деликатностью), бесперспективность, а отсюда неудовлетворенность подорвали здоровье. После тяжелейшего полевого сезона 1878 г., вернувшись в Казань, Карпов впервые впал в депрессию — сказалось переутомление и нервное напряжение. Об этом рассказывал он сам: «*Случилось то, что никогда не случалось: хандра. Хандра ела меня день и ночь, не давала мне ни минуты покоя. Делать я ничего не мог, срывался на людях, не мог даже читать романов*» (письмо от 1 мая 1879 г.) [ЦАНО, ф. 765, оп. 597, № 277]. Позднее приступы депрессии повторялись. Весной 1881 г., перед отъездом на место службы, он напишет, что опять «*с расстроенными нервами и в беспросветной хандре, которая посещает <...> каждую весну и нынешнюю обещает кончиться очень дурно...*» [Там же, л. 130об.]. К хандре прибавилась болезнь, может быть, болезнью была вызвана хандра.

Принято считать, что умер Карпов от скоротечной чахотки. Но, по-види-

тому, туберкулез развился задолго до приезда в Орск. В сезон 1879 г. Карпов задержался в Нижегородской губернии. Вероятно, одетый еще по-летнему, он выехал в августе из Кирилловки в Горбатовский уезд. Там пробыл весь сентябрь. В письмах говорил, что заедет домой «запастись теплыми дорожными принадлежностями» и с последним парходом вернется в Казань, 2 октября сообщил, что «чуть-чуть не схватил сильную простуду». Потом вдруг изменил решение и 8 октября, не заезжая в Кирилловку, поехал в Казань, известив Гациского открыткой: «В такую скверную погоду ездить очень неприятно, поэтому я решил пока кончить поездки до более постоянного зимнего времени. Через два дня еду на Лысково — Исады <...>, где еще думаю застать парходы» [Там же, л. 113]. В Казань приехал простуженный, 18 октября писал: «Несколько дней назад я приехал в Казань совсем больной и теперь продолжаю быть таковым же вследствие простуды во время дороги» [Там же, л. 115], — и пролежал больной полтора месяца. Может, именно тогда и началась чахотка. Вероятно, в течение 1880—1881 гг. осложнения были еще. Одной из причин отъезда в Орск он называл желание поправить здоровье.

Болезнь свалила его на полтора месяца в Казани осенью 1882 г. Тогда он писал Гацискому: «... В июле-августе я был командирован в Киргизскую степь для прекращения открывшегося падежа и рыскал верхом по степи, не зная покою ни днем, ни ночью. <...> Только что отделался я от этой командировки, как медицинский департамент телеграммой приказал мне немедленно отправляться в Казанскую и смежные губернии для изучения вопроса о перевозе скота и мяса водою. <...> Во время поездки в Чистополь сильно, почти до чахотки, простудился и вот уже полтора месяца не выхожу из комнаты, лежу в постели». При этом у него кончились деньги, и он не мог даже вернуться в Орск, потому и обратился за помощью к Гацискому как к последнему спасителю: «В Казани я нигде не мог достать денег, вследствие чего и решился обратиться к Вам — называйте меня бессовестным, бесцеремонным, бестактным или как Вам будет угодно. Если бы не крайность, я не стал бы беспокоить Вас» [ЦАНО, ф. 765, оп. 597, № 230, л. 65об.— 66].

О жизни Карпова в Орске известно мало. Приехал он туда в апреле или в самом начале мая: 25 апреля он писал Гацискому еще из Казани.: «Завтра уезжаю в Орск на ветеринарную должность»⁷. Письма первых месяцев жизни в Орске все о желании скорее вырваться в родной Нижегородский край или, по крайней мере, в Казань. В одном из первых писем он писал о красоте и своеобразии местной природы: видны отроги Уральских гор, рядом Киргизская степь... Но в том же письме: «Жить так далеко от родной Нижегородской губернии, с которой у меня связано столько воспоминаний, которую я исколесил чуть ли не всю во время своих поездок, — я положительно не могу. Я почти свикся с мыслью, что проживу здесь не более, как до осени, а потом уеду куда-нибудь. Теперь я только и думаю о том, как бы перебраться отсюда поближе к Нижегородской губернии и Казани» [ЦАНО, ф. 765, оп. 597, № 230, л. 68]. Узнав, что за стипендию он должен отработать 4 с половиной года, Карпов начал искать ветеринара, который приехал бы на его место, потом искал с помощью опять же Гациского место службы в Нижнем, готов был стать чиновником, делопроизводителем, даже пойти в полицейское управление. Но все попытки вырваться кончались неудачей. Писем после 1882 г. мы не обнаружили. Умер Карпов в мае 1885 г. на 27-м году жизни.

В некрологе А. К. Орешников упоминал, что в Оренбургской губернии Карпов «описывал местные промыслы и собирал киргизские песни» [Орешников 1887]. Подтверждение тому, что, живя в Орске, Карпов сотрудничал с Комиссией по кустарным промыслам, есть. Так, в письме от 5 сентября 1881 г. он сообщает о том, что приезд в Казань откладывается, так как «задержит на несколько дней покупка и отсылка киргизских и башкирских изделий по поручению Кустарной Комиссии» [Там же, л. 62]. Свидетельств о записи песен в письмах нет. Таким образом, единственные фольклорные материалы, собранные им, которые дошли до наших дней, — это сборник песен.

⁷ Данные о том, что Карпов после окончания Ветеринарного института сначала работал в Сергаче Нижегородской губернии, приведенные в некрологе, не подтверждаются.

Итак, Карпову удалось собрать 500 песен. Они записаны в основном в пригородных арзамасских селениях, в том числе в родном селе Кирилловке, и в самом Арзамасе. Жители этих селений, по определению самого Карпова, больше напоминали мещан, чем крестьян. Собственно крестьянская традиция представлена текстами из Абрамова, сравнительно удаленного от Арзамаса, куда кустарная промышленность, а с ней и капиталистические отношения, только-только начали проникать. Карпов отметил, что репертуар сборника Абрамова характерен также для всех «черноземных селений по р. Теше» [Народные песни 2010, коммент. к № 207], иначе говоря, собиратель выделил некоторый микроочаг традиции. Из отдаленных селений (например, из села Гари, находящегося в 30 км от Арзамаса), в том числе даже из селений других уездов (Нижегородского, Ардатовского, Семеновского), записаны лишь отдельные тексты, но и они иногда бывают соотнесены с песнями арзамасскими. То есть в сборнике представлена одна локальная традиция, но в ее историческом развитии, в разных исторических срезах: местная крестьянская традиция (Абрамово и селения по реке Теше, Морозовка) и поздний преобразованный ее вариант — традиция слободская (Арзамас и пригород).

Как уже отмечалось В. М. Потявиным, для Карпова как собирателя характерна сплошная запись репертуара, по крайней мере, в основном очаге записи, поэтому среди его песен не только традиционные, но и песни литературного происхождения, «новые» и «новейшие».

Песни в сборнике сгруппированы по жанровым разновидностям, за которыми он сохранил местную номинацию их: «голосовые» (их большинство), «скомошошные» (т. е. шуточные, частые, плясовые), «игришные», «хороводные», «святочные» (поздравительно-обходные), «детские» (в основном потешки), «свадебные», «заплачки» (причеты рекрутские и похоронные), «духовные стихи», «рассказ» (текст «Адской газеты», распространявшейся в рукописном виде). Отступления от народной терминологии каждый раз оговариваются. Так, выделив

что относит к ним *«те голосовые, в которых упоминаются имена исторических лиц»* (с. 403). Называя раздел «Игришные», поясняет: *«Эти песни на простонародном языке не имеют особого названия; у арзамасских мещан они называются игришными»*. Песни, не имеющие в народе особого жанрового определения, например, баллады или былина «Илья Муромец на Соколе-корабле» (в сборнике 2 ее варианта), бытующая в Нижегородском Поволжье как голосовая или свадебная, попали в разделы в соответствии с их народным осознанием.

Внутри больших разделов, например, голосовых, тексты группируются по времени и месту их записи, поэтому песни одного села, как правило, оказываются рядом.

Ценны комментарии А. В. Карпова, данные непосредственно к текстам. В большинстве случаев Карпов не указывал, от кого записан текст, но фамилии исполнителей с большим репертуаром, то есть своего рода знатоков, приводил: *«сказал Захар Ив. Зайкин, или Венедиктов»* (т. е. упомянута и «деревенская» фамилия) (№ 57); *«сказала Марья Устинына»* (№ 26, 268 и др.); *«сказал Василий, Быковский работник»* (№ 55) и т. д.

По возможности, с учетом той литературы, которой Карпов располагал в Нижнем Новгороде, он указал варианты ряда своих песен (есть ссылки на Сахарова, сочинения Костомарова, Шейна и др.). Как уже говорилось, варианты по другим сборникам он выявил в Казани и переслал Гацискому для внесения, но внесены они не были.

Все песни, включенные в обрядовое действо, сопровождаются описанием обряда, причем во всей его полноте (даются сведения об участниках обряда, их одежде, обрядовой пище, приводится обрядовая терминология, отмечаются особенности проведения обряда в сельской местности и в городе и т. п.).

Записывая лишь один вариант сюжета, он отмечал степень его распространения (частотность): *«эта песня самая распространенная в Нижегородском уезде, особенно на большой Арзамасской дороге»* (№ 127). В ряде случаев он указывает и территорию распространения (ареал бытования) отдельных песен: *«песня распространена по всему Арзамасскому уезду, исключая сел пригородных»*

(№ 78). В комментариях он говорит в ряде случаев о происхождении песни в местном репертуаре: «занесена швецами из с. Пуза Ардатовского у.» (№ 15); «занесена из с. Рожки Ардатовского у.» (48); «эта песня сочинена в Кирилловке по следующему поводу...» (№ 88). Как житель с. Кирилловки, хорошо знающий местную традицию, Карпов отмечает изменения, происходящие в репертуаре, например, делает такую пометку: «прежде пелась в Кирилловке, но теперь вышла из моды» ((№№ 36, 51).

Не имея возможности дать напев, Карпов в комментариях пытается дать о нем сведения через отсылку к напеву известнейших песен: «поется, как “Сени”» (№ 49); «поется на голос “Тетушка Арина”» (№ 101); «голос, как у песни “Вдоль по улице”» (№ 18). Иногда исследователь отмечает некоторые особенности напева: «голос протяжный и далеко не похожий на обыкновенную “Как у наших у ворот”» (№ 44).

Отмечаются некоторые узлокальные отличия в бытовании: «поется и в Кирилловке, но с сильно измененным голосом и словами» (№ 62); «в Пешелани эта песня начинается так: “Вечор была у Мясницких ворот...”» (№ 66); «в Кирилловке эта песня игришная, а не скоморшная» (№ 53) и т. п.

А. В. Карпов записал только песни. Возникает вопрос: почему не привлекли его внимания зачинательная поэзия, верования и связанные с ними жанры, сказки и др.? В очерках кустарных промыслов он говорил об уходе из жизни обычаев, говорил с некоторой грустью, почему не описал их (у него в сборнике есть лишь описание зимних обходов и некоторых ритуалов свадьбы, то есть только то, что связано с песнями). Песни он записывал по заданию, вероятно, получал за запись какую-то плату от Статистического комитета. Но трудно себе представить, что он, охватывающий обычно явление в целом, нередко выходя за заданные рамки (это отразилось в его очерках развития кустарных промыслов), при записи фольклора поступал иначе. Тем более, что как местный житель он знал традицию в ее целостности. Некоторую ясность в этот вопрос вносят его письма. В одном из писем (от 2 ноября 1876 г.) [ЦАНО, ф. 765, оп. 597, № 274, л. 83об.] он

упоминает о своей рукописи «Простонародные лекарственные средства», которую представил Гацискому вместе со сборником и которую он хотел бы дополнить «многими другими сведениями». Как можно судить по названию, рукопись могла включать наряду с описанием средств народной медицины и заговоры. Другая рукопись, которая тоже была составлена во время работы над сборником и которую он тоже хотел бы переработать, называется «Село Кирилловка». В одном письме проскользнуло, что он «записал юридические обычаи Кирилловки» и включил в очерк. Можно предположить, что это был этнографический очерк села, дополняющий сборник, в котором мог быть и общий обзор местной фольклорной традиции⁸. В письме от 2 ноября 1876 года речь идет и еще об одной рукописи. Карпов пишет: «В числе материалов для “Сборника” <речь идет о «Нижегородском сборнике», издаваемом Гациским. — К. К.>, о которых Вы говорите в Предисловии, ничего не сказано о колдуновских книгах, переписанных мною — неужели они совершенно не пригодны для “Сборника”?» «Колдуновские книги» — это, возможно, рукописные тетради с сакральными текстами, в том числе разного рода заговорами, имевшие хождение в народе и неоднократно отмечаемые нижегородскими собирателями. К сожалению, все три перечисленные рукописи в фонде Гациского не сохранились⁹. Не понятно также, почему Гациский не опубликовал их в «Нижегородском сборнике» или не заказал ему что-либо еще, как это было в его работе с другими корреспондентами. Но приведенные факты говорят о том, что собирательская деятельность А. В. Карпова не ограничивается одним сборником песен. Картину традиционной культуры в ар-

⁸ Обратим внимание, в письме сказано: «Относительно рукописей, представленных мною Вам, <...> две из них я желал бы переработать...» (выделено нами. — К. К.), то есть, кроме рукописи о простонародных лекарственных средствах и о с. Кирилловке, были еще какие-то.

⁹ Возможно, при оформлении в Архиве (ЦАНО) фонда Гациского (ф. 765, оп. 597) они не были включены в состав его, как и сборник песен Карпова, и хранятся под каким-то другим названием. Пока обнаружить их не удалось.

замасских селениях Карпов дал в очерках о кустарных промыслах. Он говорит в них о традиционных развлечениях молодежи: зимних посиделках в *кельях*, приводит сведения о количестве келий в селении, составе келий, отношениях между кельями одного селения; о летних *гуляньях*, шествиях по улице с гармонью, плясках («барыне») под гармонь и игру на «железных треугольниках», о календарных сроках свадеб; приводит портреты певцов и дает описание моментов исполнения народных песен. В очерках говорится о вере в колдовство, обращении молодежи к любовной магии: «В каждом селе можно насчитать, руководясь “гласом народа”, до десятка *колдунов*, про которых давно идет слава, что они находятся в сношениях с чертями. Каждый парень, особенно такой, которого плохо любят красавицы, старается познакомиться от этих колдунов с нечистой силой, с *дьявольской наукой*; ищет приворотов, ходит по ночам за травами, в Иванову ночь сторожит расцвет черного *папора* (*черная папороть, папоротник*)» (выделено автором. — К. К.) [Карпов 1881, 130]. Эти материалы характеризуют широту виденья Карповым фольклорной традиции и дополняют его сборник.

Сборник пролежал неопубликованным до его обнаружения в архиве В. М. Потявиным почти 85 лет и еще 50 лет после этого события. В общей сложности 134 года он не был включен в научный оборот. При этом он интересен не только общим репертуаром слободской традиции, в нем есть и классические вещи, представляющие несомненную ценность: варианты былин о Соколе-корабле, духовный стих о Тироне-змееборце, исторические песни, в том числе редчайшие (например, об имени Бориса Шереметьева в селе Павлове), тексты виноградий, песни о насильственном постриге, старые воинские песни и многое другое. Даже имея только сборник песен в 500 текстов, можно говорить, что имя Карпова должно войти в историю русской фольклористики XIX в. Для своего времени его сборник — одно из крупнейших песенных собраний. Как собиратель Карпов принадлежит, во-первых, к кругу краеведов, собиравших в XIX — начале XX в. фольклор у себя на родине, по месту жительства или службы, как, на-

пример, многочисленные корреспонденты Русского географического общества. С другой стороны, Карпов был и «странник», как П. Якушкин, он «ходил» по уезду за песнями и испытывал все тяготы походной жизни собирателя XIX в. В этом сочетании его оригинальность. А еще в том, что собирал он песни совсем еще юным человеком.

Литература

Гациский 1877 — *Гациский А. С.* [Предисловие] // Нижегородский сборник. Т. VI. Н. Новгород. 1877. С. XII.

Карпов 1881 — *Карпов А. В.* Сапожный промысел в Выездной слободе Арзамасского уезда // Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. 3. СПб., 1881.

Корепова 1982 — *Корепова К. Е.* Исторические песни в собрании А. В. Карпова // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1982. С. 143—149.

Корепова 1989 — Нижегородские хорыводы / сост., вступ. ст. и коммент. К. Е. Кореповой. Нижний Новгород, 1989.

Корепова, Храмова 2005 — *Корепова К. Е., Храмова Н. Б.* Нижегородский вариант духовного стиха о Федоре Тироне // Традиционная культура. 2005. № 1. С. 69—72.

Курдин 2007 — *Курдин Ю. А.* Песенная сокровищница России // Арзамасская сторона. 2007. № 12/13. С. 24—31.

Народные песни 2010 — Народные песни, записанные в Арзамасском уезде Нижегородской губернии А. В. Карповым летом 1875 года / сост. Курдин Ю. А., Петри Э. К., Пряников А. В. Арзамас [АГПИ], 2010.

Орешников 1886 — *Орешников А. К.* Несколько слов об Андрее Карпове: Запоздалый некролог // Нижегородские губернские ведомости. 1886. 1 октября. № 40.

Потявин 1960 — *Потявин В. М.* Собрание и изучение фольклора Нижегородского Поволжья в XIX в. // Народная поэзия Горьковской области. Вып. 1 / сост. и ред. В. Потявин. Горький, 1960. С. 405—413.

Сокращения

ЦАНО — Центральный архив Нижегородской области (в 1960-е гг. — ГАГО — Государственный архив Горьковской области)

Summary. *The article deals with Andrey Karpov's activities. The author investigates his collection of the folk-songs, which were written down in Arzamas uyezd of Nizhni Novgorod province in 1875—1876.*

Key words: *collectors, Andrey Karpov, study of local lore, the history of the study of folklore, archives material.*